

Jouni Vaahtera
(University of Turku)

К вопросу о происхождении севернорусских говоров, не знающих противопоставления твердых и мягких согласных*

Настоящая статья является побочным результатом моей работы над докторской диссертацией, посвященной развитию вокалической системы некоторых говоров Вологодской области и проводящейся под общим руководством юбиляра профессора Арто Мустайоки.

*

Русские говоры, не знающие противопоставления твердых и мягких согласных, с фонологической точки зрения подробно проанализированы Леонидом Леонидовичем Касаткиным (1999, 143–191¹; 2007). Ранее их, согласно Касаткину (1999, 145, 155; 2007, 64), рассматривали Ю.С. Азарх, Олаф Брок (Olaf Broch), А.М. Красовицкий, М.Н. Преображенская, Р.Ф. Пауфошима (Касаткина) и С.М. Треблер, и поскольку Л.Л. Касаткин анализирует рассматриваемый вопрос достаточно подробно, то нет необходимости возвращаться к трудам других упомянутых лингвистов. В этой статье мне хочется затронуть вопрос о происхождении такой системы, где количество гласных фонем значительно превосходит их количество в большинстве русских говоров, в которых различаются твердые и мягкие согласные фонемы.

На мой взгляд, Л.Л. Касаткин (1999, 167–170) правильно отмечает, что рассматриваемые говоры – вопреки более ранним утверждениям об их происхождении – твердых и мягких согласных никогда не различали.

---

* Я благодарю Янне Саарикиви за большое количество комментариев по рукописи настоящей статьи, которые позволили, прежде всего, более детально обратить здесь внимание на дославянское прошлое Русского Севера и на особенности финно-угорских языков.

¹ Данная монография является сборником опубликованных ранее статей Л.Л. Касаткина, и эти страницы опубликованы ранее в его следующих изданиях: страницы 143–170 = Касаткин 1973; 1984, а страницы 171–191 = Касаткин 1993; 1996.

Я хочу, однако, уточнить схему касательно их истории: она может не восходить прямо к праславянской фонологической системе, не знавшей такого последовательного различия, а огромную роль в этом процессе может играть другой фактор – субстрат (прибалтийско-финский или, возможно, мерянский). Иными словами, я считаю, что в фонологической системе русского языка уже противопоставлялись мягкие и твердые согласные, когда данная территория славянизировалась, но в рассматриваемом говоре местное население заменило данное противопоставление системой другого типа. Касаткин (2007, 65) учитывает возможное участие контактов с финно-угорскими языками в формировании таких говоров, но всего лишь как фактор, способствовавший сохранению данного явления.²

В целом мягкие и твердые согласные встречаются и в финно-угорских языках (Востриков 1990, 17), такая корреляция реконструируется и для финно-угорского праязыка (там же, 28). Ее не было в прибалтийско-финском праязыке, а наличие мягких согласных, например, в восточных диалектах финского языка и в карельском языке является результатом поздних процессов (Янне Саарикиви, частное сообщение). Как указывает О.В. Востриков (1990, 28), некоторые языковеды видели в самом развитии противопоставленности мягких и твердых согласных в русском языке финно-угорское влияние, но данный процесс должен рассматриваться, как автохтонный на славянской почве, «как результат внутреннего развития фонологической системы, а не как следствие субстратного воздействия» (там же, 29). В таких известных трудах В. Фенкера (1967) и О.В. Вострикова (1990) о финно-угорском субстрате в русском языке я не обнаружил упоминаний о системе с отсутствием противопоставления мягкости–твердости согласных. Возможность участия прибалтийско-финских, саамских и марийских языков в развитии частичной неустойчивости корреляции мягкости–твердости в средне- и севернорусских говорах учитывает Арья Альквист (1992, 71–73).

Науке давно известно, что территория Русского Севера была населена до прихода славян финно-угорскими племенами³. О социолингвистической обстановке Русского Севера в первой половине второго тысячелетия, в период процесса его славянизации, можно практически

---

² Об истории учета иноязычного влияния на диалектные системы русского языка в русской (советской) диалектологии см. Сархимаа 1995, 194.

³ Первые люди, заселившие Русский Север после ледникового периода, по крайней мере на части данной территории, говорили не на уральском языке (Лашук 1958, 34–44, 54). Саарикиви (2006, статья 2, 6), допускает также возможность сосуществования не-финно-угорского населения с финно-угорским на некоторых частях данной территории еще во время процесса ее славянизации (см. также там же, статья 5 и стр. 294; Лашук 1958, 54). О возможном влиянии таких языков на диалектное членение севернорусских говоров, см. Сархимаа 1995, 196–197.

только выдвигать теории. Очевидно, что некоторое время по крайней мере часть населения (если не все население) была двуязычной (в некоторых случаях и многоязычной, поскольку на данной территории говорили на нескольких финно-угорских языках)⁴. О.В. Востриков (1990, 8–9) отмечает, что утрата двуязычия начинается с социальной верхушки, «дольше всего местный язык сохраняется у социальных низов, особенно на периферии, вдали от крупных экономических и политических центров». Это соответствует и общим принципам распространения языковых изменений (как любых новшеств вообще) (см., напр., Чемберс и Традгилль 1998, 166–186; Тэлдеман 2005), в соответствии с которыми можно также без сомнений утвердить, что сначала были славянизированы местные центры, а только затем окружающие их деревни. Подобным образом описывает славянизацию северной части современной Республики Карелия Хейкки Киркинен (1970, 27):

«Venäläinen siirtolaisuus voimistui, kun Solovetskin luostari alkoi määrätietoisesti laajentaa omistuksiaan rannikolla 1400-luvun lopulta lähtien. [...] Miten paljon alueella oli venäläisiä asukkaita suomenskuisiin verrattuna, on mahdotonta arvioida. Venäläisiä asettui asumaan erityisesti asutuskeskuksiin [...], kun taas karjalaiset asuttivat rohkeammin erämaaseutuja. [...] Vasta 1800-luvulla näyttää venäläinen asutus ohittaneen karjalaisen.»⁵

Касательно Новгорода, на это указывает и Янне Саарикиви (2007, 200–201):

«Quite likely, people were bilingual in those days as they are today. [...] It is indeed quite evident that there were people throughout the principality of Novgorod who would have identified themselves as non-Slavs, at least in particular context, yet were able to express themselves in Slavic writing in a manner similar to or nearly similar to, (sic!) the Slavs themselves. Such fluent bilinguals emerged out of

---

⁴ Можно также предположить, что многие приезжие славяне и их потомки говорили на местных финно-угорских языках (так предполагает и Янне Саарикиви [2006, статья 1, 410]). Н.А. Макаров (1993, 95) отмечает, что то, что в Белозерье археологами найдена как славянская, так и финно-угорская посуда «в одних и тех же жилищах, часто в развалах одних и тех же очагов, свидетельствует о проникновении славян в финно-угорскую среду, о постоянном проживании их в поселках веси».

⁵ Мой перевод: «Русское переселение усилилось, когда Соловецкий монастырь стал целенаправленно расширять свои владения на побережье, начиная с конца XV века. [...] Сколько в регионе было русских жителей по сравнению с родственниками финнов, оценить невозможно. Русские вселялись особенно в населенные центры [...], в то время как карелы более охотно заселяли глухие районы. [...] Кажется, что только в XIX веке количество русского населения превысило количество карельского.»

necessity in a context in which Slavic was used in trade, administration, ecclesiastical and other prestige functions in society, while Finnic was spoken by a large proportion of the rural population. Mixed marriages and families in which both languages were used have certainly existed and there have been abundant opportunities for people to grow up completely or almost completely bilingual. [...] In fact, circumstances such as those described above are not so far removed from those prevailing in many bi- or multilingual regions in Russia today.»⁶

Представляется, что такая ситуация наблюдалась по всему Русскому Северу. Вологодская периферия отличалась от Новгорода только тем, что славянизация в этом регионе в целом происходила позднее. В этом наблюдается схожесть с процессом русификации населения в финских деревнях Ингерманландии (к югу и юго-западу от Санкт-Петербурга), где еще в начале XX века русским языком владели практически только мужчины, работающие за пределами своих деревень, в то время как в самих деревнях можно было слышать только финскую речь (Пансин 2008, 27).

Местное неславянское население овладевало (древне)русским языком, таким образом, через стадию двуязычия. Одни деревни образованы позднее и не имеют нерусского прошлого, в то время как в других такое имеет место: наиболее вероятно финно-угорское прошлое имеют такие деревни, в названии которых употреблены финно-угорские личные имена. Среди названий деревень, приведенных Касаткиным (1999, 146), в этой связи, прибалтийско-финскими по происхождению являются *Ихалица* (ср. Матвеев 2004, 37–38 и Саарикиви 2006, статья 2, 39–40; 2007, 218–220) и *Катрома*. Последнее, скорее всего, изначально гидроним, в котором наблюдается прибалтийско-финское *kaatra* (Янне Саарикиви, частное сообщение) и широко распространенный на Русском Севере в названиях рек формант *-ма* (см., напр., Мат-

---

⁶ Мой перевод: «Вероятно, что люди были двуязычными в то время, как они бывают и сегодня. [...] На самом деле довольно очевидно, что по всей Новгородской земле были люди, которые идентифицировали себя не-славянами, по крайней мере в определенных случаях, но которые могли письменно выражать свои мысли, не уступая или почти не уступая при этом самим славянам. Такие уравновешенные билингвы появились в результате необходимости в ситуации, где славянский язык использовался в торговле, в администрации, в церковной и в других престижных функциях в обществе, в то время как на финно-угорском языке говорило большая часть деревенского населения. Без сомнений существовали смешанные браки и семьи, в которых использовались оба языка, и у людей было очень много возможностей вырасти полностью или почти полностью двуязычными. [...] На самом деле условия, аналогичные описанным выше, не так далеки от тех, которые доминируют во многих дву- и многоязычных регионах России в настоящее время.»

веев 1996, 5; Саарикиви 2006, статья 2, 31). В качестве ойконима гидроним могли начать использовать так финно-угорские, славянские, как и любые другие переселенцы, а прибалтийско-финская этимология данного названия сама по себе не является указателем этнического происхождения первых жителей данной деревни.

Если ойконим образован из личного имени, особенно мужского, то, вероятнее всего, главой первого семейства данной деревни был человек с таким именем. В случае если это нерусское имя, то наиболее вероятно также то, что в данной деревне раньше говорили не на русском языке. Из приведенных Касаткиным (1999, 146) деревень к прибалтийско-финскому личному имени можно бесспорно отнести д. *Ихалица*, чему не противоречит тот факт, что это название в данном регионе известно также как гидроним (приток Сухоны [см. Макаров 1997, 98], впадающий в нее напротив д. *Ихалица*, который, однако, выше по своему течению имеет другое название – *Мизюга* [Дорожный Атлас 1998, 98]). Остальные населенные пункты, рассмотренные Касаткиным (1999, 146, 154–155), называются *Шуйское* (в котором, согласно местным жителям, «говорили ‘правильнее’»), *Паньково*, *Кожухово*, *Селищи*⁷, *Голуби* и *Корочуново*. Данные ойконимы, по всей вероятности, образованы на славянской основе. Итак, *Паньково* сочетается с мужским именем *Па́нько́* (от *Павел*, *Панкратий*, *Пантелеймон*, которые заимствованы из латинского и греческого языков [Суперанская 2003, 267 s.v. Панько]). Возможно, что за названием *Корочуново* стоит гипотетическое личное имя (возможно – фамильярное или пренебрежительное) *Корочун*, которое может быть связано с невысоким ростом человека.

Возможно, что во многие деревни славяне вообще не вселялись, а знание (древне)русского языка нужно было населению для деловых целей. Люди могли продолжать пользоваться языком своих предков у себя в деревне, а за пределами своей и близлежащих деревень они не могли справиться без русского, и, в конце концов, все население с детства стало владеть русским языком. Этот процесс, если учесть всю территорию Вологодской периферии, мог протекать несколько веков, и представляется, что дольше всего финно-угорская речь сохранялась и, следовательно, ярче всего субстратные явления проявляются в далеких от крупных центров районах. О таких, на мой взгляд, как раз идет речь в случае рассматриваемых Л.Л. Касаткиным деревень и говоров.

**

Идея о возможности прибалтийско-финского субстрата в качестве причины фонологической системы, не знающей противопоставленности мягких и твердых согласных, возникла у меня сразу, когда я впервые

---

⁷ *Селища* по Дорожному Атласу 1998, 98.

узнал о диалектной системе рассматриваемого типа. Я вспомнил своего коллегу, финна 1971 года рождения, с которым я работал в Нижнем Новгороде летом 1997 года. Он никогда систематически не изучал русский язык, но не первый раз работал в России, и мог разъясняться с местными русскими работниками. Тем же летом 1997 года он познакомился с девушкой, уроженкой г. Вязники (в примерно 100 км к западу от Н. Новгорода), которая училась в Н. Новгороде. Рассказывая мне о ней, он назвал неизвестный для меня до тех пор город *Вязники* таким образом, что я – после переспроса – воспринял названное им слово как /veäsniiki/ (фонемы финского языка), и попытался понять, как же он на самом деле называется.

В этом примере наглядно представлено, как носитель финского языка, не владеющий русской фонологической системой, может заменить мягкость согласного перед фонемой /a/ в русских словах. Приведенный результат замены гласного совпадает с тем, что обнаружено в представленных Л.Л. Касаткиным вологодских говорах (напр. «не шуте̄а, нат'е̄ануты, [...] озе̄абла, [...] сне̄ат» [Касаткин 1999, 163]). Примечательно, что в русском литературном произношении здесь употребляется гласный, который практически совпадает с финской /ä/ (в произношении [ä]⁸), но оказалось, что данного гласного с фонемой /v/ недостаточно для передачи гласного в русском сочетании /v'a/. Приведенный пример моего коллеги, естественно, ничего еще не доказывает, но наталкивает меня на мысль о том, что подобная замена могла произойти и у тех носителей неславянской речи, которые на Русском Севере стали овладевать (древне)русской речью.

Точно так же, как перед /a/, с помощью первого [e]-образного компонента дифтонга могла, по всей вероятности, в речи нерусского коренного населения заменяться мягкость согласного и перед /o/ (в результате произносится, напр., [вѣос] 'вѣз'). Перед фонемой /e/ данный компонент соответствует основной фазе гласного, и в результате мы имеем монофтонг. Представляется, что перед /и/ и /у/ логически не может быть [e]-образного глайда, поскольку [e] является более открытым звуком, чем [и] и [у], и язык не опускается настолько низко при переходе от произнесения согласного к произнесению основной фазы гласного, а мягкость перед /у/ была заменена [и]-образным глайдом, а в случае сочетания с /и/ получился монофтонг. Когда данные деревни подвергались обрусению, на месте /ѣ/⁹ в древнерусских говорах мог

⁸ [æ] по МФА (IPA).

⁹ Данное обозначение, по-моему, неидеально, поскольку никоим образом не отражает место данной фонемы в фонологической системе. Общеизвестно, что наследником праиндоевропейской фонемы */ē/ и сочетания */ǣj/ не перед гласным (в произношении дифтонг [āī]) в общеславянском была фонема */ā/ (традиционно обозначаемая как /ě/), которая в разных современных славянских языках и даже в разных

быть уже дифтонг [иѐ], или же перед [ѐ] появился [и]-образный глайд точно так же, как и перед /и/ и /у/; результат при этом один и тот же – дифтонг [иѐ].

***

Как указывает А.К. Матвеев (2001, 119), около Кубенского озера были островки с финно-угорским населением еще в XVI–XVII веках; О.В. Востриков (1990, 20) относит завершение славянизации мери и муромы к этому же времени. Как указано выше, часть приведенных ойконимов имеет прибалтийско-финскую этимологию. Однако Матвеев (1996) приводит доказательства о том, что юг современной Архангельской области населяли также меряне, и они логически могли проживать и южнее на территории современной Вологодской области. Вероятно, что островки как мерянского, так и прибалтийско-финского населения существовали долгое время и в других регионах Русского Севера, пока не были полностью охвачены русским языком.

Я не вижу никаких препятствий логическому рассуждению о том, что население таких деревень, как Ихалица, почти полностью имеет финно-угорских предков (хотя я этого, естественно, доказать не могу). Если эта теория соответствует действительности, отсутствие категории твердости–мягкости в говоре д. Ихалица и соседних деревень следует рассмотреть, как отражение неполного овладения русским языком. Это, в свою очередь, приводит нас к следующему заключению: отсутствие категории твердости–мягкости в севернорусских говорах само по себе еще не может считаться свидетельством того, что в древнерусском языке в период славянизации Русского Севера еще не было данной категории.

****

В процессе распространения языковых изменений (см., напр., Чемберс и Традгилль 1998, 166–186; Лабов 2001) присутствует социальный фактор, в частности престиж. Переход какой-то группы населения с одного языка на другой происходит, в принципе, аналогично (Эйтчизон 2001, 235–248).

В этой связи я хочу затронуть здесь вопрос, косвенно связанный с рассматриваемой выше тематикой, а именно: севернорусские письменные памятники способны, по всей вероятности, только частично отразить историю тех или иных говоров сельской местности. Суть вопроса заключается в том, что они писались в городах и монастырях, где влияние финно-угорских языков было, безусловно, менее ошутимо, чем в

говорах одного и того же языка реализуется множеством разных звуков. Обозначение /ѐ/ может, однако, быть обосновано тем, что оно позволяет указать на диасистемную фонему, реализация которой как раз различается по конкретным языковым системам. Данный знак использует и Л.Л. Касаткин (1999; 2007).

деревнях. Из этого логически вытекает следующее заключение: между городами (монастырями) и деревнями еще в средневековье существовала языковая разница, которую можно, естественно, охарактеризовать также, как социолингвистическую. Поэтому в том, что в настоящее время на Русском Севере сильно различается городская и деревенская речь, нет ничего принципиально нового.

Адрес электронной почты автора: jouni.vaahtera@utu.fi

Литература

- Альквист, Арья (Ahlqvist, Arja). 1992. *Финно-угорский субстрат в топонимии Ярославского края на материале гидронимных формантов -(V)га; -(V)нга, -(V)ньга, -(V)нда; -(V)кса, -(V)кша*. Lisensiaatintutkimus, Helsingin yliopisto, Suomalais-ugrilainen kielentutkimus.
- Востриков, Олег Владимирович. 1990. *Финно-угорский субстрат в русском языке*. Свердловск: Уральский государственный университет.
- Дорожный атлас. Вологодская область*. 1998. Москва: АСТ-Пресс-Картография.
- Касаткин, Леонид Леонидович. 1973. Гласные одного вологодского говора, не знающего противопоставления согласных по твердости–мягкости. В кн. *Исследования по русской диалектологии*. Москва: Наука.
- Касаткин, Леонид Леонидович. 1984. *Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка*. Москва: Школа «ЯРК».
- Касаткин, Леонид Леонидович. 1993. К истории <л> в русском языке. 1. В кн. *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1988–1990*. Москва.
- Касаткин, Леонид Леонидович. 1996. К истории <л> в русском языке. 2. В кн. *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1991–1993*. Москва.
- Касаткин, Леонид Леонидович. 1999. *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*. Москва: Наука – Школа «ЯРК».
- Касаткин, Леонид Леонидович. 2007. Особенности консонантизма говоров Слободского сельсовета Харовского района Вологодской области. В кн. Juhani Nuorluoto (ред.), *Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North. / Вопросы этнического, языкового и культурного формирования Русского Севера*. Slavica Helsingiensia, 32, Helsinki, 64–100.
- Киркинен, Хейкки (Kirkinen, Heikki). 1970. *Karjala idän ja lännen välissä I. Venäjän Karjala renessanssiajalla (1478–1617)*. Historiallisia tutkimuksia. Suomen historiallinen seura. LXXX. Helsinki: Kirjayhtymä.
- Лабов, Уильям (Labov, William). 2001. *Principles of Linguistic Change. Volume 2: Social Factors. Language in Society, 29*. Malden (MA) – Oxford: Blackwell Publishers.
- Лашук, Л.П. 1958. *Очерк этнической истории Печорского края (Опыт историко-этнографического исследования)*. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- Макаров, Николай Андреевич. 1993. *Русский Север: таинственное средневековье*. Москва: Институт археологии Российской академии наук – Российский фонд фундаментальных исследований.

- Макаров, Николай Андреевич. 1997. *Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья*. Москва: Скрипторий.
- Матвеев, Александр Константинович. 1996. Субстратная топонимия русского Севера и мерянская проблема. *Вопросы языкознания*, 1/1996, 3–23.
- Матвеев, Александр Константинович. 2001. *Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Матвеев, Александр Константинович. 2004. *Субстратная топонимия Русского Севера. Часть II*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Пансин, Регина (Pansin, Regina). 2008. *Venäjäkielisten maahanmuuttajien kulttuuri-identiteetti www.suomi.ru -keskustelufoorumin kirjoituksissa*. Pro gradu -tutkielma (дипломная работа). *Venäjän kieli, Turun yliopisto*.
- Саарикиви, Янне (Saarikivi, Janne). 2006. *Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects*. Tartu: Tartu University Press.
- Саарикиви, Янне (Saarikivi, Janne). 2007. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents. В кн. Juhani Nuorluoto (ред.), *Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North*. / *Вопросы этнического, языкового и культурного формирования Русского Севера*. *Slavica Helsingiensia*, 32, Helsinki, 196–246.
- Сархимаа, Аннели (Sarhima, Anneli). 1995. Karjalan kansat ja kielet kontakteissa. Asutushistoriallista taustaa ja lingvistisiä seurauksia. *Virittäjä*, 2/1995, 191–223.
- Суперанская, Александра Васильевна. 2003. *Словарь русских личных имён*. Москва: Эксмо.
- Тэлдеман, Йохан (Taeldeman, Johan). 2005. The influence of urban centres on the spatial diffusion of dialect phenomena. В кн. Peter Auer, Frans Hinskens, & Paul Kerswill (ред.) *Dialect Change*, 263–283. Cambridge: Cambridge University Press.
- Фенкер, Вольфганг (Veenker, Wolfgang). 1967. *Die Frage des finnougri-schen Substrats in der russischen Sprache*. Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series, Editor Thomas A. Sebeok, Vol. 82. Bloomington: Indiana University.
- Чемберс, Дж.К. и Питер Традгилль (Chambers, J.K. & Peter Trudgill). 1998. *Dialectology*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press.
- Эйтчизон, Джин (Aitchison, Jean). 2001. *Language Change. Progress or Decay?* 3rd edn. Cambridge: Cambridge University Press.